

Александр Морок, Ксения Разумовская

Сглаз, порча и защитные заговоры

Александр Морок Ксения Разумовская Сглаз, порча и защитные заговоры

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6147931
Сглаз, порча и защитные заговоры: Научная книга; 2013*

Аннотация

«Часто бывает: был нормальный, веселый, пышущий здоровьем и жизнелюбием человек, и вдруг – большие перемены: помрачнел, затосковал, стал сохнуть на глазах, болеть, из жизни ушла радость. И видимых причин нет... Или привязалась к человеку неизлечимая болезнь, никакие врачи не в силах не только помочь, но даже определить характер его недомоганий. Вот тогда и всплывают эти знахарские диагнозы – сглаз, порча. Что это за „притки“ да „хитки“? Об этом-то и идет речь в нашей книге, а также о знахарях, ведунах, их методах насылания и снятия порчи и сглаза, травах, „заветных“ словах, бесах, ангелах, экстрасенсах и их взглядах на интересующие нас вопросы. Ну и, конечно, заговоры, молитвы, без которых не избавиться от этих заболеваний. Сборник рецептов пригодится не только „порченным“».

Содержание

Раздел I	5
Из истории российского волховства	5
Глава 1	17
Глава 2	47
Глава 3	57
Конец ознакомительного фрагмента.	78

А. Морок, К. Разумовская

Сглаз, порча и защитные заговоры

Часто бывает: был нормальный, веселый, пышущий здоровьем и жизнелюбием человек, и вдруг – большие перемены: помрачнел, затосковал, стал сохнуть на глазах, болеть, из жизни ушла радость. И видимых причин нет... Или привязалась к человеку неизлечимая болезнь, никакие врачи не в силах не только помочь, но даже определить характер его недомоганий. Вот тогда и выплывают эти знахарские диагнозы – сглаз, порча. Что это за «притки» да «хитки?» Об этом-то и идет речь в нашей книге, а также о знахарях, ведунах, их методах насылания и снятия порчи и сглаза, травах, «заветных» словах, бесах, ангелах, экстрасенсах и их взглядах на интересующие нас вопросы. Ну и, конечно, заговоры, молитвы, без которых не избавиться от этих заболеваний. Сборник рецептов пригодится не только «порченным»

Раздел I

Сглаз, порча и защитные заговоры

«...И случилось дивное диво: вдруг Сигизмунд, король могучий и гордый, опустил голову и тихим голосом принялся молить:

– Прости мне, Готфрид, мои слова! Это слова несчастного отца, который не знает, как свою дочь спасти. Моя единственная дочь, принцесса Роксана, заболела странной и загадочной болезнью, что врачи черной меланхолией и черной тоской называют. И еще сказали они – тоска эта действует, как медленный яд, и раньше, чем зацветут деревья, дочка моя умрет. Одно только спасти ее может – искренний, задушевный смех, идущий от самого сердца. Ты, один только ты спасти ее можешь!»

Галина Гурская

«О принце Готфриде, рыцаре Рождественской звезды».

Из истории российского волховства

1572 году царь Иоанн (Васильевич) IV обратился к церковному Собору за разрешением на четвертый брак, жалуясь на то, что его первую жену Анастасию «испортили» недобрые люди, извели наветом и чародейством; вторую отравили

вражьими кознями, а третью испортили злою отравой. Самого же государя худые люди и чаровницы держали «пред тем аки в оковах... а то творили они свои чаровствы, аки очи твои закрываючи». А. М. Курбский в своих сказаниях упоминал, что этот царь сам «выписал» с севера шесть десятков чародеек, с которыми он сносился через своего любимца Богдана Бельского.

В более же ранних летописях, например за 1467 год, упоминается факт смерти от «смертного зелия» супруги великого князя Ивана Васильевича Марии-тверянки. А князь Курбский Василий Иоаннович, находим в тех же летописях, «...сам стар будущи, искал чаровников презлых отовсюду», чтобы помогли его супруге исцелиться от бесплодия.

Приведенные нами примеры – крохотная частица всех многочисленных свидетельств повальной веры в колдунов и чародеев в те времена. Как видим, верили не только простолюдины, но и царственные особы и ученые. К примеру, знаменитый ученый конца XVII века монах Сильвестр Медведев также три года держал при себе волхва по имени Дмитрий Силин, который мог распознать «в животе болезнь... по солнцу» – «кому что будет»; «уговаривал» грыжи у младенцев, предсказывал, «будет меж мужа и жены совету» или не будет.

Чародеев не только признавали, но и страшно их боялись. Вступая на престол и присягая на верность государству, некоторые монархи не забывали упомянуть и ведунов.

Например, Борис Годунов клялся в том, что если кто ему «учнет зелье лихое или коренья давати», чтобы «лихо какое... учинити» или «кто похочет портити», – того человека не слушать и не брать этих кореньев и зелий, а также чародеев к себе не «прилучати». Он предусматривал и главные виды колдовства: насылание лиха по ветру, порчу на след и вынимание следа.

Мы еще будем говорить об этих видах чародейства, а пока же остановимся на них кратенько. Костомаров Н. И. в своих «Очерках домашней жизни и нравов великорусского народа» (СПб., 1887 г.) пишет, что *насылка по ветру* состояла в том, что колдун, который мог управлять ветрами, с помощью заговора вызывал ветер, потом бросал по ветру пыль с наговорами, чтобы эту пыль нанесло на определенного человека и чтоб его мяло, раздувало, корчило, сушило и т. п.

Под *выбором следа* из-под ноги понималось следующее. Землю, по которой проходил человек, против которого замышлялось недоброе, замазывали в печи или сжигали, после чего тот начинал сохнуть, болеть, мог и умереть. Бывало, что *на этот след* просто *наговаривали*. Этот прием использовался также и для того, чтобы получить желаемое или приворотить избранника. Есть свидетельства, дошедшие до нас из XVII столетия (сыскные дела) о приворотном корне обратиме, привороте на царицын след, умышлении испортить царицу Евдокию Лукьяновну и много других таких дел.

А дворовые люди в XVII веке давали клятву, что никакого

лиха «в естве, питье, в овощах, в пряных зельях и в платье, в полотенцах, в постелях, в сорочках, в портах», не учинят.

Очень часто случалось, что люди подозревали в колдовстве своих соседей, людей, с которыми были в неладах, и доносили на них. А к XVII веку колдовство уже преследовалось и жестоко наказывалось. Часто бывало, что доносы совершались просто из-за мести. Например, в 1677 Митька Печеный донес местным властям, что его жена, после того как побывала в гостях у его кума, стала «скорбеть и пухнуть». Кума пытали и сожгли на костре. А конюхи Иван Чуркин и Петр Хметевский в 1628 году жаловались на одну деревенскую вдову, которая испортила их жен. Сначала жена Петра начала «вопить кликушею» и кричать, как заяц, потом заразила кликушеством жену Ивана. Их вылечил один посадский человек, который давал пить наговорную воду и молоко «испорченным». Вдова, после того как созналась в нанесенной ей порче, понесла наказание.

Как явствует из летописей, много судебных разбирательств проводилось по поводу лишения мужчин половых способностей. В 1648 году драгун Федька Филиппов подал жалобу на Дарьцу, жену церковного дьячка, в которой писал: «Испортила она, Дарья, меня, учинила скопцом; и по пирам и по беседам она, Дарья, везде похваляется, что она так нарочно сделала. И я от тое порчи вконец погибну и женишки отстал».

При расследовании дела оказалось, что эта Дарья учиня-

ла вред уже не в первый раз. Например, заподозрив одного крестьянина в краже у нее платья, похвалялась, что сделает его «такого черна, как в избе черен потолок, и согнет так, как серп согнулся». После этого «тот Евтюшка заболел вскоре и три года ходя, сох и сохши умер». Одному крестьянину она грозила, что когда вернется он домой, жену и детей своих не узнает. Братьям Фурсовым она сказала, что оборотит их вверх носом и будут они в четырех углах. В ту же ночь после ее слов братья слегли, а через некоторое время и вовсе померли.

А когда Федька Филиппов после венчания стал подниматься по лестнице в клеть, то колдунья Дарья зажгла лучину и бросила ее под лестницу, а «подкиня, стала на тот луч, поднем фост (подол), сцать». В этом колдовстве ей помогала пономариха Марья, которая шла следом за новобрачными и «клала огонь», «лучом катала» и вместе с Дарьей совершила непотребное действо. После проделанного Дарьей и ее сообщницей «Федька стал испорчен и скопцом учинен».

А на Сеньку Борисова, который валялся пьяный на улице, эта же Дарья, накрыв его подолом, навела килу, и глаза у него стали болеть.

Очень часто обвиненные в волховстве сознавались в своих черных делах и рассказывали о том, как они наводили порчу на людей. Иногда для этого приходилось прибегать к пыткам, но часто они и без этого все «выкладывали».

В XVII веке был случай, когда один помещик «привел в

съезженную избу человека своего Сидорку Савинова да женку его Афроську да сказал, что тот человек его Алексея и жену его и людей – женку Досадку да женку Татьянку – ведовством своим испортил». Сидорка же в содеянном сознался, рассказав, что заподозрил Досадку в краже у него денег и в отместку напустил на нее немочь.

В том же XVII столетии Дашку Ламанову с мужем сослали в Сибирь за наведение порчи на царскую семью. Ходила она к ворожее Настасье, которая «людей приворачивает», у «мужей к женам сердце и ревность отымает», «на мыло и соль наговаривает», чтобы потом их в питье и еде жены давали своим мужьям с той целью, как она потом призналась сама, чтоб они «до них добры были». По наущению ворожееи Дарья Ламанова сжигала свои рубашки и пепел сыпала «на след государыни царицы». Во время пытки призналась ведунья, что пепел посыпать она велела Дашке и ее подругам не для лиха, а чтобы государь с государыней снисходили к нуждам тех, которые подают им челобитные: решали дела в их пользу. При разбирательстве этого дела потянулась целая цепочка: от Настьки к другим ворожеем, которые «смывали» болезни у детей, «жабы во рте уговаривали» да «брюхо лечили». А одна торговым людям ворожила на удачу: наговаривала на мед и велела тем медом умываться со словами «как пчелы ярые роятца да слетаютца, так бы ко мне (торговцу) для скупки товаров купцы сходились».

Доказательством чародейства служило наличие корней

и трав, с помощью которых и ворожили, и лечили. Считалось, что именно при помощи этих корней и трав наводит-ся *порча*: например, «кликотная болезнь», при которой порченые «кликали» разными голосами – заячьими, птичьими, медвежьими, да и всякие другие болезни: родимчик, паду-чая болезнь, половое бессилие, лихорадка, «затворение кро-вей» у женщины и т. п. На всем этом мы остановимся по-дробно, но позже.

В Вятской губернии людей, которые совершали всяческие такие действия, о которых мы рассказывали, и насылали на людей несчастья и болезни в качестве мести, называли «ере-тиками». А вообще у них много названий – колдуны, веду-ны, ворожеи, знахари. Этих людей боялись. Мы упоминали вскользь, что их наказывали: у нас на Руси увозили в ссыл-ки, бросали в остроги, иногда приговаривали к сожжению огнем. В Европе с ними боролись куда строже: пытали и сжи-гали на кострах.

Все эти люди могли вогнать в человека бесов, отнять си-лу, иссушить кости, вызвать икоту, тоску, паралич, навести на человека глухоту и слепоту, отнять аппетит и сотворить много других невообразимых вещей.

Вот, например, в книге писателя из Ганы Айи Квеи Ар-ма «Целители» есть глава, в которой подробно описывается власть колдуна над простыми смертными и смертельный об-ряд выявления колдунами злодея с помощью «напитка исти-ны».

«Глашатай сказал, что напиток истины пьют согласно строжайшим правилам. Первое правило: смертельный напиток истины по очереди пьют все сверстники убитого. Второе правило: если сверстников много, первым пьет тот, кто был главным соперником убитого – в любви, в поисках власти, в физической или умственной силе.

Эсуман, целитель, бежавший от трудной жизни целителя в восточном лесу ради легкой жизни в Эсуано, стоял у самого пламени... Одет Эсуман был не так просто, как подobaет целителю. Складки широкого шелкового халата переливались всеми цветами при пляшущем свете костра. Эсуман был нетороплив – как тот, кто наконец воплотил в жизнь ускользавшую грезу души, так что голос его, сердце и все существо сполна вкушали сладость каждого мига. Он знал: все, что произойдет этой ночью, произойдет потому, что он властен сделать так, чтобы это произошло. Только он может определить, когда смертоносный напиток готов для суда. Только он может приказать служителям у костра, что и когда делать.

...По распоряжению Эсумана первый служитель придвинул медную кастрюлю к пламени, и в нее налили воды. Глашатай пронзительным голосом объявил, что это чистая свежая вода прямо из реки-женщины. Эсуман велел второму служителю поставить жестяную кружку на воду в кастрюле. Блики плясали на медной кастрюле, на воде, на плававшей белой жестяной кружке.

Эсуман приказал, и двое с толстыми тряпками вышли из-за его спины. Они сняли с костра котелок и приставили его к медной кастрюле. Эсуман взял у второго служителя ложку и стал наполнять чашку в медной кастрюле дымящейся жидкостью из котелка.

...Эсуман подержал тыльную сторону левой ладони над кружкой, чтобы узнать, остыл ли напиток смерти... Эсуман подошел к костру и поднял правую руку. Служитель подал ему ложку. Другой поднял тяжелый лоснящийся глиняный горшок, и Эсуман зачерпнул из него ложку растительного масла. Он протянул ложку над костром, тонкой струйкой вылил масло в огонь и сделал шаг назад. Пламя взметнулось, желтизна в нем взяла верх над всеми другими цветами. Оно постояло ярким столпом, задрожало и опустилось. Лицо Эсумана, казалось, само излучало яростный свет.

– Готово, – сказал Эсуман. – Итак, приступим.

Он сделал знак глашатаю. Из молчанья глашатай вернулся к речи. Он встал у костра и, закинув голову над горбом и уставясь в небо, снова напомнил зрителям о могуществе яда. Он назвал его напитком истины. Яд убьет виноватого, объявил он, и не причинит вреда невинному. Он смерть для убийц, он простая вода для чистых сердец...

Глашатай напомнил правило, которое до сих пор забывали. Мужской член каждого испытуемого следует туго перевязать тонкой бечевкой – дабы злодей не исторг яд вместе с мочой и тем самым не посрамил правосудие.

Снова заговорили барабаны. Они выбили множество ритмов. Каждый испытуемый, отведав напитка смерти, найдет свой ритм и в танце вернется к жизни или умрет.

...Эсуман вновь подошел к костру...

– Подайте напиток истины! – приказал он, и голос его содрогнулся от ненависти, которую он не сумел скрыть.

Второй служитель снял смертоносную кружку с середины медной кастрюли. Неспешные капли воды падали со дна чашки назад в кастрюлю. При яростном свете пламени они казались оранжевыми и золотыми, как бусы.

Служитель подал кружку Эсуману. Двумя вытянутыми руками жрец принял сосуд со смертельным напитком. Он двинулся, как во сне, он шел, словно движимый бесконечно далеким богом, он прошел между двумя передними стражниками и остановился перед Денсу.

Жестом благоговенья Эсуман протянул Денсу кружку с ядом. Денсу взял кружку. Он глядел на нее, как зачарованный. Глядел, как прорицатель, который в святой воде ищет сокрытое от человеческих глаз.

– Пей! – раздался в ночи ясный, холодный, пронзительный голос Эсумана...»

В этом отрывке колдун выявляет убийцу с помощью варварского обряда, имея целью погубить ненавистного ему соперника, но и у нас на Руси колдуны применяли различные способы выявления, например, вора, видимо, берущие начало в этих языческих обрядах. Ниже мы расскажем о спосо-

бе выявления колдунов, которые существовали в некоторых местностях у нас на Руси в прошлом столетии.

Сейчас мы часто смешиваем и колдунов, и ворожей, и знахарей в одну кучу, но между колдунами, с одной стороны, и знахарями и ворожеями, с другой, имеются большие различия. Колдуны, в некоторых местностях их называли «еретики», действуют с помощью дьявольской силы и вершат недобрые дела, а знахари – «знатки», знающие люди – лечат людей, снимают *порчу*, т. е. все те болезни, которые на них навели колдуны.

Существует сказание, что первый знахарь имел представления только о добрых травах, которые Бог посеял на пользу человеку. Он различал шелест и говор трав, имел способность слушать шепот матери-земли, Господь открыл ему многие тайны природы. Первый знахарь жил на пользу людям, совершал добрые дела. Но когда он стал стариком, ему захотелось вернуть молодость, и тогда-то ворожей узнал и злые травы. С помощью их он начал творить нечистые дела. От него и пошли знахари, которые передавали свои знания и заклятные слова, полученные от прародителя: привороты, отвороты, присушки, наговоры, заговоры от всякого рода болезней. Иногда их знает и простой люд, сохраняя их в своей памяти и замусоленных тетрадках.

Вот краткая история отечественного чародейства. Дальнейший наш разговор пойдет о зловредных людях и считающихся таковыми, и мы подробнее остановимся на таком по-

нятии, как порча, и связанных с нею последствиях.

Глава 1

Чародеи и кудесники

Колдовское озеро – это не в лесах...

В деревенском быту, как уже говорилось, нередко смешивают знахарей, ворожеек, ворожбитов с *чародеями – колдунями, ведьмами и колдуньями*. Все они, по мнению народа, отъявленные злодеи. Корни этого кроются в извечной привычке во всем необычном подозревать сверхъестественное и в простодушной вере, что во всем, что не поддается нашему разумению, участвуют скрытые, таинственные силы, пусть и не всегда зловредные. Но такое понятие не совсем соответствует действительности. Между ними – существенные различия.

К *колдуну* чаще всего обращаются за тем, чтобы он снял злые чары, порчу, или наоборот – для того чтобы отомстить врагу, навредить ему, наслать на него порчу. А он для своих чародействий призывает в помощь нечистую силу. Иногда он может делать и доброе.

Знахарь же в своей работе обращается к святым, использует молитву, дает гуманные советы, применяет для лечения травы, в отличие от колдуна, использующего, кроме этого,

всякие кости, внутренности животных, части их тела, помет и другие самые неожиданные вещи.

Колдуны скрываются от людей, знахари работают открыто. Знахарей называли в далекие времена кудесниками. К ним обращались за исцелением от болезней, просили предсказать судьбу, найти вора или пропажу, для изгнания нечистой силы из дома, со двора и даже из самого человека, а также чтобы успокоить домового, желая присушить парня или девушку, вернуть мужа и снять ту же порчу.

Отличаются колдуны от знахарей и внешне. У колдуна внешность, как правило, отталкивающая. Глаза злые, чаще всего черные, темные, густые брови, резкий голос, властная манера поведения. Неприятные личности. Стоит вспомнить бабу-ягу!

А вот портрет всем известного российского колдуна Гришки Распутина, без которого шагу не могла ступить русская императрица, супруга Николая II, выведенный в романе «Нечистая сила» писателем Валентином Пикулем.

«На высоком лбу его краснела шишка – застарелый след от удара, полученного в кабацкой сваре, а шишку он закрывал длинными прядями волос. Покрытый оспинами нос выступал далеко вперед, похожий на иззубренное лезвие топора. Кожа была морщинистой и загорелой, а правый глаз Гришки обезобразивало желтое пятно. Смотрел на всех мурно и беспокойно – противно эдак-то поглядывал».

Психологически он тоже весьма непривлекателен.

«*Порченый* – поставили на нем клеймо односельчане. Известно, сколь целомудренна русская деревня: матерного слова не услышишь, а Гришка сквернословил при любом случае, дрался бесстрашно. Лошадь не жалел – загонял на смерть. Внешне мрачный и нелюдимый, обожал веселье, и коли где гармоника пиликнет, он уже пляшет. Час пляшет, два, три часа. Пузырем вздувается на его спине рубаха, воюющая от пота. Плясал до иступления, пока не рухнет.

Имел тонкий нюх на выпивку. Носом чуял, где вчера пиво варили, где казенный штоф распивают. Придет Гришка, никем не зван, встанет у притолоки, в избу не входя, и стоит там, шумно вздыхая: мол, я уже здесь... учтите! Мужики пьют водку из мутных стаканов... Суют в бороды лохмы квашеной капусты, закусывая. На зубах хрустят крепенькие огурчики. Иной раз посовестятся: – Эвон, Гришка-то за явился. Может, и ему плеснем махоньку? Вить ен, как ни толкуй, а тоже скотина – ждет подношения...

Угостившись, Гришка не уйдет, а лишь обопрется о притолоку косяка. Быстро пустующий штоф приводил его в отчаяние:

– Налейте же мне, ради Христа!

– Это зачем же тебе наливать? Платил ты, што ли?

Протрезвев, мужики пугались: Гришка умел отомстить.

Один Гришку не позвал к угощению. Когда молодые на тройках ехали из церкви, кони вдруг уперлись перед домом – не шли в ворота. Все в бешеном мыле, рассыпая с грив

праздничные цветы и ленты, под градом ожесточенных побоев, кони не везли молодых к счастью. „И не повезут“, – сказал Гришка, стоя неподалеку... Молодухе же одной, отказавшей ему в любезности, Гришка кошачий концерт устроил. Со всего села сбегались коты по ночам к ее дому, и начинался такой содом, хоть из дома выселяйся...»

Еще Пикуль пишет, что «Гришка Распутин, пока с лошадиного воровства жил, немало повидал коновалов. От них и познал врачевальные тайны, что тянулись в XX век от ветхозаветной Руси, от народного разума, от знахарских книг, писанных в лихие времена славянской вязью, закапанных воском древности...

Многое запомнил. Сберег. Пригодится!

Покровские мужики хоть и презирали Гришку, но иногда были вынуждены признать его превосходство над ними. Однажды мальчонку резанули косой по ноге, кровью исходил малый на сенокосе, а Гришка пошептал что-то, приложил травки – и кровь замерла...»

Знахари же в большинстве случаев – простые, благодушные и часто верующие люди. Это преимущественно старые люди: одинокие старушки и старики, вдовы и престарелые девицы. Обычно они на голову «выше» других. Иначе говоря, знахарь – человек, умудренный опытом и какими-либо знаниями, выделяющими его из среды заурядных людей. Они пользуются всеобщим уважением, а более всего те, кто добился знаний своим усердием и трудом.

В материалах под названием «Народные обычаи, суеверные предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии», собранных в период с 1861 по 1888 годы саратовским помещиком А. Н. Минхом, можно найти много интересных сообщений о колдунах, знахарях и описаний того вреда, среди них и порчи, или пользы, которые они производят.

«Дедушка мой сам говорил, – рассказывал помещику А. Н. Минху один пожилой крестьянин в селе Колено Аткарского уезда Саратовской губернии, – что была свадьба и видел колдуна: сидел он на почетном месте, и все ему кланялись, угощали его на славу и ни в чем не перечили, а то испортит; три из нашего села кличут от него (испорченные), да двое ходят на четвереньках. Жил он долго, нажил денег пропасть, а как стал умирать, так венец ломали; в полночь встал он из гроба и бегал за дьячком, который читал псалтырь, а зарывали его, так в могилу закопали осиновый кол, чтоб не мог встать».

«В Полчаниновской волости Саратовского уезда, – сообщает нам Минх, – верят вполне, что колдуны имеют при себе какие-то записки, или маленькие книжки, которых никто не видит и не знает, что в них написано; записки эти носят всегда втайне, под пяткой в сапоге или лапте; если колдун неграмотный, то может действовать, как грамотный, так как достаточно того, что он носит при себе эти таинственные письма. Причиняют эти люди вред обыкновенно тем, на кого злы. Они портят, навешивают килу как скотине, так и человеку,

и сажают беса через наговор на какую-либо вещь или просто взглядом: в наговоренной вещи засядет нечистый дух и колдун либо предаст ее сам в руки, или бросает, куда ему нужно; в последнем случае в первого поднявшего входит нечистая сила, и дня через два или три он начинает беситься. Вот почему крестьяне осторожны при находках, нашедши на дороге или в поле какую-либо вещь, они твердят молитву и сдуют с нее нечистую силу. Тогда наговор исчезает и нет опасности взять находку в руку.

Когда человек подвергнется порче и в нем сидит нечистый дух, то другие легковверные приходят к нему ворожить; кто о пропаже, кто о своей будущности, а иной просто из любопытства, и если нечистый дух захочет открыть тайну, то рассказывает, но бывают случаи, что и не рассказывает. Прежде чем идти ворожить, надо обязательно узнать имя и отчество нечистого духа и тогда, подходя к нему, надо назвать его именем, отчеством и сказать: „я-де пришел или пришла поворожить о том-то“, — дух начинает биться, кричать и через несколько минут падает со всего размаху на пол; с полчаса лежит совершенно бездыханный, неподвижный труп, в это время, говорят, дух вылетает из человека и рыскает по свету, отыскивая то, о чем просили. Наконец дух возвращается и входит опять в тело испорченного, члены начинают шевелиться, руки и ноги размахиваются, глаза открываются большие, белые, горящие огнем. Одержимый бесом вскакивает, садясь в углу на скамье, начинает рассказывать, что то-то най-

дется, нужно ожидать.

Говорят (Полчаниновская волость), что для открытия в селе колдунов существует следующий способ. В продолжение всего Великого поста надо каждый понедельник рубить дрова и всякий раз бросать по несколько полен на подложку (чердак), а в заутреню на Пасху собрать все эти поленья, затопить печь; узнав об этом через посредство нечистой силы, колдуны непременно явятся просить чародейского огня; противиться их требованию не следует.

Есть еще поверье в народе, как узнать колдунов: надо на Вербное воскресенье взять покрупнее свечку и зажигать ее всю Страстную неделю на стояниях и на Пасху у заутрени; затем надрезать кору на яблоне и заткнуть свечу за корой, вниз фитилем, оставить так до следующей Пасхи, на целый год; тогда перед заутреней ее вынимают так, чтобы никто не видел, идут с ней к заутрене и зажигают ее, после чего она становится чудодействующей: стоит лишь повернуть фитилем книзу, то колдуны, находящиеся в церкви, станут кверху ногами».

Малороссы называют колдунов «чаровники» и «чаровницы». В селе Сокур Саратовского уезда старожилка Прасковья Кухарева, старуха 90 лет, передала Минху рассказ, услышанный ею от родных. Это было в 1886 году.

В Сокуре было очень много колдунов, которые сближались со злыми духами, околдовывали людей. Здесь произошел такой случай. Крестьянский парень Петр полюбил одно-

сельчанку, красавицу Ульяну, не отвечавшую ему взаимностью. Он решил отомстить ей, для чего обратился к колдуну, крестьянину Игнатию Игнатьевичу Скиданову, посулив ему приличное вознаграждение. Тот приказал ему вырезать из косы девушки несколько волос и принести ему, что парень и сделал. Он принес волосы Скиданову, прося отомстить как можно злее за отвергнутую любовь.

Чаровник замазал эти волосы в чело печи, а парень спокойно пошел домой. В тот же вечер, как были замазаны ее волосы, девушка начала грустить и тосковать, свет Божий стал ей не мил. Через два месяца после своего замужества изнывавшая от неопределенной тоски Улита умерла, оставив вдовцом любившего ее и любимого ей мужа. Когда покойницу вскрыли, то сердце ее оказалось исколотым как бы иглами.

Пересказывает Александр Николаевич и свой разговор с молодыми парнями 20–25 лет из села Полчаниновки и деревни Федоровка Саратовского уезда, которые не сомневаются в существовании колдунов, в порчу, которую они наводят, и навешивание кил. «Завелись у нас в Полчаниновке колдуны Христофор Романов и Филат Семенов; последний, когда в свадебном поезде лошади не трогались с места и становились на дыбы, подошел к ним и крикнул: „Ей, вы, – я сам тут!“ – и поезд тронулся во всю прыть; на другой свадьбе заставил Филат обнимать гостей и целовать сохи (столбы, поддерживающие навесы на дворах). На сходе хотели его побить

за колдовство, нос закрывает: если колдуну разбить нос до крови, обтереть эту кровь тряпкой и сжечь ее, то колдун не будет уж в силах колдовать».

Многих из атаманов-разбойников, сообщает в своем труде саратовский этнограф, народ считал колдунами. К этой категории относили и Степана Разина.

В «Саратовских губернских ведомостях» в № 3 за 1895 г. мы нашли легенду про Стеньку Разина.

Ущелье, или овраг, где Стенька Разин запирали в подземельях захваченных в плен, называлось Тюрьмой или Дурманом и было покрыто такими чащобами, что пленник не мог оттуда выбраться. А в 200 саженях от Дурмана, на берегу Волги, находится бугор Стеньки Разина, о котором существует такое предание.

Шло однажды по Волге судно. Когда оно поравнялось с этим бугром, то два бурлака сошли на берег. Один из них предупредил второго: «чтобы ты ни увидел, ни услышал – молчи». Взобравшись на бугор, они увидели отверстие, вроде погреба, с дверью. Отворив ее, увидели хорошо убранное подземелье, похожее на настоящую комнату. «В углу висел образ Спасителя в золотом окладе, обсыпанном бриллиантами и разноцветными камнями; перед образами теплилась лампада. Посреди комнаты стоял гроб, окованный тремя золотыми обручами, возле лежал огромный железный молот и железные прутья. Вдоль стен расставлено множество бочонков, насыпанных доверху золотом, серебром и драгоценны-

ми самоцветными камнями; а также ценная металлическая утварь. Бурлаки помолились иконе; вожатый схватил молот и разбил обручи на гробе: крышка поднялась, и из гроба встала красная девица необыкновенной красоты и выговорила: „Что вам нужно, ребята? Деньги, утварь, камней самоцветных – берите, сколько душе угодно“. В ответ на это вожатый схватил прутья и начал стегать красавицу, безбожную Маришку, и сколько она его ни умоляла о пощаде, все было напрасно. Товарищ не вытерпел и сказал: „Полно, брат, с ума ты что ли сошел?“ Но едва он успел произнести эти слова, как невидимая сила подхватила его и выкинула в дверь, которая тотчас же захлопнулась, и послышался голос „Восемь – девятого!“ Вслед за тем дверь и отверстие пропали. Испуганный бурлак едва добрался до судна; у него отнялся язык, и три года он оставался нем. После уже он рассказывал, что если бы он сумел помолчать и если бы они сумели завладеть иконой, как говорил ему еще дорогой вожатый, то все богатство перешло бы в их руки».

Крестьяне верили также, что «Стенька по сей час жив, его земля не принимает, и живет он, окаянный, на островах, а змеи грудь у него сосут».

И еще одно предание о Разине. Недалеко от Камышина возвышается Уракова гора, названная по имени атамана разбойников, у которого, по преданию, Разин служил 15 лет кашеваром, потом застрелил Уракова и сам стал атаманом. «Здесь, предтеча Стеньки, Урак (татарский князь)

имел свой притон. Разин, еще мальчиком, пришел сверху, из Ярославля, и 15-ти лет поступил в шайку Уракова кашеваром. Раз Ураков хотел задержать судно, а Стенька закричал: „Брось, не стоит, бедно“. Ураков, не ожидая после такого замечания удачи, пропустил судно, но погрозил Разину. Приходит другое судно – Стенька опять то же. Вzbешенный атаман выстрелил в него из пистолета, но Стенька не пошатнулся, вынул из груди пулю и, отдавая ее Ураку, сказал: „На, пригодится“. Ураков от страха упал; разбойники, видя чудо, разбежались, а Стенька незаряженным пистолетом застрелил Уракова и стал сам атаманом его шайки. Ураков схоронен тут же на своем бугре и, говорят, 7 лет из могилы кричал проходившим мимо судам: „Приворачивай!“»

Есть и другое интересное предание, связанное с разбойниками-колдунами в материалах Минха. В Аткарском уезде в местечке между двумя оврагами никогда не кричали лягушки, которых здесь было несметное количество, и они квакали в других частях речки, только не здесь. В народе это объяснялось так: «Лет сто назад, когда в окрестностях Маматовки водились разбойники, одна из шаек получила известие, что ночью придет в Белгазу проезжий богатый купец с товарами; разбойники расположились караулить его немного выше села в Жадовом овраге... через который пролегла дорога. Ночь была темная, лягушки страшно кричали в реках и озерах; разбойники просидели в овраге до свету и не слышали никакого движения на дороге. По утру уже узна-

ли они, что купец проехал Белгазу перед рассветом и догадались, что виною их неудачи был громкий крик лягушек. Атаман был колдун и в досаде наложил на лягушек заклятие, чтобы они сто лет не кричали; могучее слово окончилось недавно: года четыре (рассказ 1868 года) как лягушки стали кричать снова». Минх сообщает, что священники села, где происходили эти чудеса, подтвердили рассказ крестьян.

На Чагре (в 125 км выше г. Хвалынска) был в старину разбойник Водкин, умевший заговаривать пули. Однажды его поймали, он попросил напиться из Волги воды, но как только ему это позволили, мгновенно нырнул в реку, и его увидели уже только на противоположном берегу, откуда он поблагодарил караульных и скрылся.

Народ был уверен, что многие острожники умели заговаривать кандалы, которые потом соскакивали у них с рук и с ног. Жители села Колено Аткарского уезда считали колдуном дезертира Петрушку, ставшего известным грабителем. Они утверждали, что при преследовании он мгновенно исчезал из глаз. А в XVII веке, по рассказам тех же крестьян, в этих местах существовало поверье, что если колодник достанет мертвую руку, то может навести ею сон на караульных.

В народных рассказах о волжских разбойниках нередко бытовало мнение, что и посаженные в крепкие стены острогов, они спасались колдовством: «Начертят на полу тюрьмы мелом или углем лодку и весла, сядут в нее и вынесутся на широкую раздольную Волгу».

А вот еще интересный отрывок из книги все того же А. Н. Минха, похожий на современные рассказы о привидениях и полтергейсте.

«Мертвецы ходят к тем, кто о них тоскует; у одной женщины отдали в солдаты мужа, которого она очень любила, стала она плакать и тосковать; только как-то ночью является он к ней; та обрадовалась, угощает его водкой и закуской, как и откуда он пришел; тот отвечает, что бежал из службы и не велел никому сказывать, что приходил к ней. К утру муж ушел, и солдатка, к удивлению, увидала, что все, чем она его угощала, осталось цело, между тем сама видела, как он ел и пил. Посещения эти продолжались неделю; наконец она стала сомневаться в муже и высказалась одной набожной старушке; та дала ей святых мощей и дала окропить дом святой водой. Приходит ночь, начинают стучаться в двери и окна, говоря: „Пусти, это я пришел“. Солдатка отвечает: „Войди“. За дверью все стучатся, но никто не входит, слышится раздраженный голос: „Зачем ты сказала чертовке, что я хожу к тебе; погоди, я с вами сквитаюсь!“ Тут стали представляться ей всевозможные ужасы: то дом трещит, как будто разрушается, то огненный клуб повиснет под окном; и это продолжалось до петухов, сряду три ночи, наконец прекратилось. После узнали, что муж этой женщины умер вскоре по поступлении на службу и во время ночных посещений был уже мертвецом».

Есть в тех же материалах этнографа много рассказов об

оборотнях и ведьмах, обитавших в Саратовской губернии.

«Это мужчина или женщина, которые знают чернокнижие и с помощью злых духов могут обращаться в разных животных. Эти люди, как верит народ (Коленская волость), в полночь кувыркаются три раза через огонь на печном шестке, с ножами и вилками между пальцами, после чего вылетают в трубу сорокой и по своему желанию делаются птицей или другим животным, ходят в этом виде по селу, кусают народ или вовсе заражают людей.

...Случилось раз, что ведьма обратилась в свинью и напала на парня, который был очень силен; он отрезал ей ухо и ногу, принес домой и положил на окно человеческое ухо и кисть руки; начались расспросы. Младший сын рассказал, как было дело: „Иду я вечером поздно с вечеринки, один без товарищей, не дождавшись конца; навстречу бежит свинья, прямо на меня, да под ноги; я испугался, сотворил молитву и читаю Богородицу, а свинья мне все под ноги катится. Я перекрестился, снял с пояса ножик, ухватил свинью за ухо и отрезал его; она все на меня бросается, хочет есть; попалась мне палка, я – ну ее колотить по ногам, да с досады отрезал ей ногу; побежала от меня свинья, ковыляя, с визгом на гумно к Матрене, вдовой старухе, что живет на задах; принес я ногу и ухо домой да положил на окно, – бил я свинью, а не человека“. Старик догадался; „знаю, говорит, это оборотень, что ходит по деревне и заел, было, в прошлом году нашу сваху“, – и объявил сейчас же миру. Сделали обыск и на-

шли старуху Матрену на печи – всю обвязанную и больную; ее освидетельствовали; у ней не оказалось уха, и на правой руке кисть отрезана». Этот рассказ в книге Минха приведен со слов 75-летнего старика из села Колоно Аткарского уезда.

Рассказывая о чародеях, мы чаще всего говорили о колдунах, но чаровники бывают и женского рода – колдуньи, ведьмы.

Вот наблюдения Минха о ведьмах и их воздействии на людей. «Ведьмы портят, так же как и колдуны, людей и домашний скот; разница ея с колдунами и знахарями та, что последние бывают по науке, а первая по наследству, так что ведьма родится от ведьмы; отличительный наружный признак ее – хвост».

В селе Озерках Саратовского уезда существует поверье о том, как узнавать ведьм: стоит лишь надеть все совершенно новое – белье, платье и обувь – и пойти в праздники к обедне. Та баба, которая подозревается как ведьма, будет стоять задом к алтарю и лицом к входной двери. Но тот, на ком есть что-то хоть раз одеванное, этого не увидит. Однако тот, кто увидел эту ведьму, будет жить недолго: злые духи и сама ведьма отомстят за раскрытие тайны. Оказывается, поэтому народ боится ходить в церковь во всем новом, не желая обнаружить ведьму, зато ведьмы посещают церковь без боязни.

В селе Широкий Буерак (Саратовский уезд) верят, что ведьмы по ночам доят коров и отнимают у них молоко. После этого у коровы пересыхает вымя. В этом селе жила ста-

рушка с обрезанной косой, которую ей и обрезали за то, что поймали ее за этим занятием (доение коровы). Правда, она утверждала, что косу ей обрезал старик.

В селе рассказывали: «Раз летом ночевал на одном крестьянском дворе проезжий дегтярь. Спал он на своей телеге, проснулся до зари и слышит, что кто-то доит корову; думает, что это хозяйка, опять лег и проспал до рассвета; видит – баба идет с дойницей опять к корове, и дегтярь догадался, что ночью корову доила ведьма; действительно, хозяйка могла надоить всего с кружку молока. Он сказал ей о случившемся и объяснил, как узнать ту ведьму, что отымает молоко у коров, для чего посоветовал ей надоенный после ведьмы остаток молока вылить на сковороду и поставить на жар (горячие уголья): тогда сама ведьма тотчас же придет к ней. Баба так и сделала, и действительно, к ней тотчас же явилась старуха с обрезанной косой, которая и теперь слывет ведьмой в Широком».

А вот в селе Сокур Саратовской губернии колдуний узнавали таким образом. Нужно «взять от Великого четверга кусочек сыру и беречь его до Светлого Христова Воскресения; в Пасхальную же утрению положить за щеку и смотреть на молящихся; как только священник скажет: „Христос воскрес“, – то все ведьмы оборотятся задом к иконам и на головах их будут стоять дойницы».

Травой целебной напою, словами тайными заговорю...

«Ефимия призвала на помощь все свое знахарство, какое познала белицею в Лексинском монастыре. И настоем трилистника поила, и взваром болотной полыни потчевала, и резун-травою, и корнями вилорога, и горячими бутылками обкладывала бариново тело, чтоб из костей ушла остуда... Знала: и от лихорадки умереть можно, потому и помогала целебными травами, и верила: одолеет худую немочь, подымет мученика на ноги...» (Алексей Черкасов, «Хмель».)

За колдуном и ведьмой следует *знахарь*, почти что колдун. Его почитают на свадьбах, и вообще, народ имеет к нему большое уважение. Знахарь и знахарка лечат от разных болезней, снимают порчу и указывают, что украдено и где положено. В Саратовской губернии считалось, что они приносят зло, например когда лечат от сифилиса окурком. Лечение состоит в следующем: когда дурная болезнь «вступит в горло» или проявится в других застарелых формах, то знахарь сажает его на на окур, для чего берет киноварь, толчет ее и сыпет в жаровню или горшок с горячими углями. Больной садится над этим курением, и его покрывают шубами, он вдыхает этот дым и до тех пор сидит на окуре, пока с ним не сделается дурно. Потом его кладут в постель и накрывают шубами. Если больной выходит на холод, то после этого

бывают случаи смерти.

Минх собрал материалы о людях, умеющих заговаривать зубную боль, остановить кровь, текущую из раны человека или животного. На все нужно знать слово. Казалось бы, простая вещь – отравить крысу мором, но не всегда это удастся. А надо поставить черепок с кашей на погреб, посыпать мором и сказать: «Пожалуйте, гости, кушать», – и пятиться к выходу задом. Есть и другой способ вывести крыс: надо поймать живую крысу, отнести ее от своей избы через семь домов и сказать: «Вот ваша квартира». Для того чтобы вывести тараканов, надо поймать одного или нескольких, посадить в варезку и, войдя к кому-либо в избу, сказать: «Здравствуйте, ждали ли гостей?» – а как хозяйева скажут «Милости просим», надо незаметно вытряхнуть ползучих из варезки.

«Кто из простого народа не верит в приворот?» – вопрошает этнограф и приводит в пример выражения, популярные в народе: «приворожила молодца», «обошел молодку». «Колдун дает корень, с ним надо обойти того, кого желают привязать к себе, или носить приворотный корень на кресте, либо дать настой из приворотного зелья; отсюда пошла поговорка: „он его словно корнями обвел“».

Обобщая все, что говорят и пишут о знахаре, можно сделать вывод, что знахарь – это лекарь-самоучка, врачующий недуги и облегчающий телесные страдания людей и животных. В отношениях с нечистой силой знахарь не состоит. Главная сила его врачевания заключается в словах *заговора*.

Поэтому знахарей называют еще шептунами за те слова, которые они шепчут над больным или снадобьем.

Перед произнесением заговоров они, как правило, говорят молитвы, призывают святых угодников, Спасителя, Богородицу, апостолов. Все происходит под знаком креста, во имя Святого Духа: опрыскивает ли он водой или нашептывает на еду и питье, натирает ли маслом или каким-другим средством. Бывает, перед тем как произнести наговор на воду, они даже опускают в нее крест: вносят в нее могущественную целебную силу.

У знахаря изба вся увешана по стенам пучками трав. Плату он берет небольшую, чаще всего довольствуется теми продуктами, которые ему приносят приходящие к нему за утешением, исцелением, советом.

Приходят к знахарю тогда, когда уже ничего не помогает – ни врачи, ни собственные средства. Диагнозы он ставит, пораскинув своими мозгами и исходя из богатого опыта.

У знахарей своя специализация, и болезни, от которых они лечат, известны и определены: эпилепсия, истерия, помешательство, импотенция, детские и женские болезни, продолжительные болезни, то есть те, которые происходят от порчи и сглаза. Чаще всего такие болезни не поддаются лечению их научной медициной.

В дореволюционной России, как известно, в деревнях врачей не было и в определенных ситуациях приходилось поневоле обращаться к знахаркам. Как, к примеру, в таком вот

случае, иллюстрирующем сказанное выше, который мы взяли из романа Ивана Акулова «Касьян Остудный».

«Повивальная бабка из города приняла у Дуняши роды и на третий день, сказавшись нездоровой, заторопилась уезжать. Дело в том, что Дуняше было плохо: у ней не спадал жар, не было молока, и бабка, не желая быть сиделкой у больной, не нашла ничего лучшего, как собраться домой. Правда, она оставила Любаве множество советов, но все равно Кадушкины не могли обойтись без помощи повитухи.

Утром Харитон увез бабку в Ирбит, и Любава сходила за Кириллихой, которая в своей помощи никому не отказывала.

Придя к Кадушкиным, она ни на минуту не присела и своей уверенной непоседливостью вселяла надежду на выздоровление и у Дуняши, и у Любавы. При ней весь дом пошел ходуном: топилась печь, заваривали отруби, мочили простыни, настаивали отвары, готовили бутылки с горячей водой. Уж затемно Кириллихе понадобился лист чернобыльника, которого она не взяла с собой.

– Его и завтра бы можно запарить, да лучше с вечера. Вот тебе, девка-матушка, край бежать к нам. На полке под окнами в синем мешочке. В других-то мешочках там всякий сбор, а в синем как раз лист. Полынкой пахнет. Да полынка и есть. Матушка моя все: чернобыльник да чернобыльник. И я теперь по-еенному.

И Любава пошла...

...подошла к полке и, откинув ситцевую прогоревшую занавеску, увидела там кучу мешочков, больших и поменьше, и совсем маленьких – многие были сшиты из подсиненного холста. В каком из них чернобыльник?

– Мать послала? – обрадовался Яков легкому разговору. – Она чего просит? Может, не здесь? Там, на кухне, еще склад.

Любава сняла и принялась к трем или четырем мешочкам, и Яков почему-то определил, что она ищет чернобыльник.

– Вот он, красным шнурком перевязан. О шнуре-то, должно, забыла сказать, старая. Тут академия, враз не разберешься. – Яков опять засмеялся и сунулся помогать Любаве, к самым рукам ее подвинул лампу....

Любава развязала красный шнурок и, взяв горсть сушеных листьев, понюхала: на строгом лице ее появилась кроткая улыбка. Яков повеселел:

– Не стыдно в знахарство-то верить?

– А ты главная власть у нас, что же фельдшера-то не выхлопочешь? Знаете шманать по чужим амбарам. Ведь это только подумать, на что решились.

– Фельдшера-то на земле не валяются. Их выучить надо. А на учебу хлеб требуется. Все, Любава, в узелок затянуто. Нам не развязать.

– А тут человек умирает. Пусть умрет, что ли?

– Не о том говорим, Любава.

Любава отсыпала в принесенный с собой стакан сушеной

травы, мешочек поставила на место...»

Главная сила, как в лечении, так и в заговорах, оберегах, наговорах, напущках, заключается в нашептывании.

Нашептывание производится на квас, пиво, воду, молоко, соль, сливки, скипидар, масло, хлеб, пряники, калачи, в перчатки, скатерти, платье, на кресты и кольцо. После наговора то, на что был произведен заговор, надо выпить или съесть. Водой еще сбрызгивают или окатывают с ног до головы. Зная, что могут сотворить со съестным недобрые люди, человек из народа прежде чем что-либо пить, одунет питье или перекрестит его вместе с молитвой. Существует поверье, что от худого питье можно оберечь, перекрыв его двумя лучинками, положенными крест-накрест.

Заговорные действия знахаря имеют одну цель – воздействовать на психику больного, внести в его душу успокоение. То есть сила и значение его приемов заключается во внушении. Это проявляется и в способе произнесения заговорных слов – шепотом, монотонным размеренным тоном, и в самих словах, часто непонятных для слуха, часто повторяющихся, различного рода перечислениях. Этому способствует и сама обстановка: тишина в доме, разного рода таинственные манипуляции, сбрызгивание больного, окачивание его водой и т. п. Ритм заговоров, заклинаний гипнотизирует: внушает, принуждает. А шепотом или полусшепотом они произносятся для того, чтобы их не услышал непосвященный человек. Заговоры сопровождаются движением рук и губ для того, что-

бы удержать силу слов или, как говорят, «запечатать замок».

Заговоры делятся по целям, которые знахари преследуют. Заговоры, заклинания, наговоры бывают на любовь парня, девушки, на разлуку замужней, на исцеление от ран, недугов и болезней, на получение уважения, счастья; есть заговоры для корыстных целей.

Они однообразны, похожи друга на друга по всему российскому пространству, да и не только. Все эти заклинания и чародейские приемы, их сопровождающие, одинаковы вообще у всех народов. Общей их родиной считают Вавилон и Ассирию.

Они являются как бы руководством для домашнего пользования по ведению хозяйства, ремесла и лечению болезней. Они всегда имеют какой-то практический смысл: дают человеку средства борьбы за существование.

Есть особая форма заговора – *обереги*. Они бывают всякого рода: от зол и напастей, на сохранение скота, живота, при родах, свадебные обереги и т. д.

Существует поверье, что заговоры нельзя передавать тем, кто моложе знахаря. Во-первых, чтобы не плодить учеников, будущих конкурентов, во-вторых, заговор, произнесенный хотя бы однажды, оставляет свой след в пространстве, и чем чаще он употребляется, тем сильнее он работает, потому что его след как бы углубляется, но и наоборот: чем чаще заговор употребляется без меры и попусту, тем слабее он становится. Потому-то знахари не передают заговорные слова

случайным людям.

Часто заговоры передаются знахарями и знахарками только на смертном одре одному из близких родственников в строгой тайне, наедине. Посвященный в тайну должен хранить ее до смертного конца. Умереть, не передав своих знаний, считается грехом.

М. Г. Маркелова в своих этнографических материалах о саратовской мордве, собранных ею в 1922 году, представляет нам Марию Маркеловну Кочевадзеву – мордовскую знахарку из села Чувашская Кулатка Саратовской губернии. В настоящее время ей 55 лет. Она замужняя, муж жив. Детей трое. Живет она небогато. Лечит она только в свободное время, между делом. Лечит от зубной боли. Заговору научилась давно, от своего дедушки.

Делает она так: берет небольшой кусок лука, солит его и уходит с ним в чулан. Там она над этим кусочком читает заговор. Чтение заговора прерывает тем, что дует три раза на заговариваемый кусок лука. Читает заговор очень тихо, так, чтобы посторонние его не слышали, да и заговаривает в чулане для того, чтобы никто не видел. Делает все это для того, чтобы польза была от ее лечения. Заговор, который она читает, конечно, не говорит. Наговоренный лук велит положить на больной зуб и лечь спать.

Знахари, по-видимому, никуда не исчезли и в наше время, пережив время гонений и атеизма. Еще сохранились старики и старушки в наших городах и поселках, знающие некие за-

ветные словечки, которые им передали деды и прадеды, бабушки и прабабушки или случайные в их жизни лица, которые по какой-либо причине научили их тайным наукам или просто передали отдельные чудодейственные фразы, заклятия, заговоры. Мы приведем отрывок из рассказа «Заговоренные лапти» современного писателя-фантаста Игоря Пидоренко.

«Фатееву не повезло с командировкой, и его отправили в Сарапул. Отправили что-то там добывать на местном заводе.

...Дела на заводе были окончены, поезд уходил только вечером, и Фатеев решил прогуляться по морозцу, развеять чистым дыханием зимы нехорошие мысли в адрес руководства, пославшего его в такую дыру.

Мороз был градусов двадцать, и Фатеев старательно кутался в тулупчик, одолженный на поездку у соседа. Недалеко от гостиницы находился базар. Средних размеров, небогатый, да и день был не воскресный. Как будто что-то потянуло Фатеева (он позже говорил – черт попутал) зайти на базар. Ведь денег у него собственных не было. Неторопливо утапывая хрустящий на морозе снег, он шел между рядами, разглядывая неширокий ассортимент: вязаные шапки и рукавицы, клюкву в банках, подсолнечные семечки, сырые и жареные. За прилавками переминались хитроглазые дедки и бабуся, неизвестно для какого покупателя вынесшие в этот морозный день товары на рынок. Правда, местные жители мороза не боялись, но и покупать ничего не покупали, бодро

пробегая мимо.

Над одним из прилавков возвышалась на свежооструганной палочке табличка „Кустарная продукция“. Под продукцией подразумевались фанерные посылочные ящики различных размеров, деревянные совки, веники и... лапти! Самые настоящие – липовые, плетеные!

Фатеев остановился. В воздухе хорошо пахло деревом, почти по-весеннему.

И дед за прилавком, как будто нарочно дожидавшийся Фатеева, вскочил, засуетился, делая приглашающие жесты руками: „Подходи, милоч, выбирай, меряй. На любую ногу, на любой вкус, легкие, ловкие. Как обуешь – все девки твои будут. Лапти-то не простые – заговоренные!“ Фатеев скептически хмыкнул: „Это что же, лапти-скороходы?“ – „Нет, милоч, – дед все суетился, подхватывал лапти, крутил их, подсовывал под нос покупателю. – Ходкие лапти, верно. Добро несут тому, кто купит, счастье несут. Богат будешь, не пожалеешь, что купил“. Лапти были разные: одни попроще, другие покрасивее, и одна пара Фатееву приглянулась. „Ну, уговорил. Сколько стоят лапти-то?“ – „А десять рубликов, милоч, лапоточки эти стоят, немного, десять рубликов“. „Эге! – протянул Фатеев. – А другие?“ – „Простые? Два рубля. Так эти ж, милоч, заговоренные!“

Фатеев сунул руку в карман и тут вспомнил, что у него осталась свободной всего пятерка. Да и та на пропитание. Ну, с едой можно потерпеть, завтра вечером дома будет. А

лапти хороши именно эти, славно будут на стене смотреться. Этакий раритет! Надо деда уговорить за пять рублей продать. И начал торг... Он убеждал, уговаривал деда – откуда только красноречие взялось? И дед постепенно сдавался, уступал. Наконец, он махнул рукой, пустил мелкую слезу и сказал: „Ладно. Бери за пятерку, лихоимец“.

Фатеев радостно схватил приглянувшуюся пару, сунул хозяину мягкую купюру и повернулся, собираясь уходить. Его остановил голос деда: „А спасибо, милый, забыл мне сказать?“ Фатеев удивленно оглянулся и довольно грубо ответил: „Какое еще спасибо, дед? Я же деньги тебе отдал!“

Дед сразу выпрямился, стал внушительнее, выше ростом, глаза засветились молодыми искорками. „Что торговался со мной – ладно. Сам вижу – больше у тебя и нет. Но что спасибо не сказал, не поблагодарил за труд мой, за разговор – на себя пеняй. Не доберешься ты теперь до дому с этими лаптями. Один – доедешь, с ними – нет! Запомни, милый“.

Фатеев, довольный покупкой, только отмахнулся: „Хватит тебе, старый. Бабку пугай сказками. Будь здоров, не кашляй“. И поспешил к выходу. Вслед ему еще раз донесся высокий, хриловатый голос деда: „Запомни, милый!“

Неудобства с лаптями начались сразу, правда, Фатеев этому значения не придавал, отнес все на счет людского любопытства. Лапти в дорожную сумку не вошли, и пришлось их привязать снаружи, к ручке сумки... С этого момента его каждые пятнадцать-двадцать минут кто-нибудь останавли-

вал и начинал подробно расспрашивать о лаптях – где купил, сколько отдал, зачем они ему. А в Казанском аэропорту какая-то женщина, отвечая на вопрос маленькой дочки „Зачем дяде такие тапочки?“ подробно объяснила, что дядя купил их на случай пропоя ботинок. Фатеев взбеленился и на дальнейшие расспросы отвечал только глухим рычанием.

Не помогло. Приставали.

Фатеев благополучно купил билет на самолет, но рейс отложили по метеоусловиям Волгограда сначала на два часа, затем на четыре и, наконец, перенесли на завтра. Это была катастрофа. Денег – ровно полтинник на автобус из аэропорта до дома. Съестных припасов – ни крошки. И особой надежды улететь назавтра нет. Волгоград прочно покрылся туманом. Фатеев с ненавистью посмотрел на лапти: не купил бы – сыт бы был. Но деда и его обещание-проклятие не вспомнил...»

И зря, между прочим, не вспомнил, поскольку следующий день не был лучше. «Шумели двигателями самолеты, люди улетали и прилетали, фатеевский же рейс все задерживали, сначала „неприбытием самолета“, потом опять „по метеоусловиям Волгограда“. Фатеев, уже начинавший против воли подозревать, в чем тут дело, не желал верить в суетную чепуху, однако нет-нет да и поминал деда нехорошим словом...»

Добрые бабули в аэропорту накормили его колбасой с горбушкой хлеба, но злключениям его пока не было конца, по-

тому что несколько раз менялся маршрут полета из-за метеоусловий. Он побывал и в Набережных Челнах, и в Куйбышеве, пока не очутился в Саратове на жесткой скамейке.

«Тут Фатеев проснулся. От жесткой скамейки ломило все тело, а прямо перед его носом гордо желтела пара лаптей, притороченная к сумке. Он сел и задумался. Как-то незаметно он забыл о вреде суеверий и стал уже всерьез злобно ругать деда, который явно был причиной затянувшегося путешествия».

Но лапти пока еще из-за какого-то упрямства не продавал: «Несмотря на голод и желание поскорей попасть домой, он решил дать бой проклятому деду-колдуну. По этой же причине Фатеев даже не думал о возможности воспользоваться железнодорожным транспортом.

...Полторы недели носило Фатеева по различным городам нашей страны. С голоду он не умер – свет не без добрых людей... В аэропортах, куда он попадал не первый раз, администраторы узнавали его по лаптям, перекинутым через плечо, и даже изредка пытались помочь. Билет покрылся служебными пометками: „Задержан в аэропорту (следовало название) по метеоусловиям до ... (число)“. Он как-то притерпелся спать в креслах и на скамейках – ведь большую часть времени приходилось ожидать вылета. И лишь на десятый день, когда голод и усталость дошли до предела, он, не торгуясь, отдал лапти за пятерку здоровенному бородачу в дубленке. Очень уж тот пристал с просьбой продать ему этот шедевр

народного творчества.

И как по мановению волшебной палочки, мытарства Фатеева кончились. Через полчаса после продажи лаптей диктор объявил посадку на самолет, а еще через два с половиной часа Фатеев, изнуренный, но счастливый, выходил из самолета в аэропорту своего родного города...»

Вот таким злключениям подверг зловредный дед нашего героя. Видимо, скептицизм в отношении к суевериям у Фатеева несколько поколебался, потому что после этого, как утверждает автор рассказа, которому поведал эту историю сам ее герой, он «стал значительно мягче, вежливее». Как он сказал: «Дело случая, но штука в том, что случай тоже заставляет иной раз задуматься...»

Надеемся, некоторое представление о знахарях, исцеляющих «порченных» и знающих заветные словечки, из наших рассказов вы получили. Теперь переходим непосредственно к порче.

Глава 2

Как порчу насылают

О некоторых способах насылания порчи мы немного уже говорили: по ветру, на след, посредством вынимания следа. Пускается *порча и по воде*. В нее добавляют порошки и яды, и кое-какие еще снадобья. Происходит это, например, во время мытья в бане или даже купания в реке.

Если не удастся испортить человека описанными способами, колдуют на одежду. Также бросают на дорогу различные заговоренные предметы. Это могут быть, например, шапки из овечьей шерсти, к которой примешиваются кошачьи и человечесьи волосы. А колдовство на волосах – вообще страшное дело. Их могут зашивать в подушки, подкидывать в печь, замазывать в трубу и т. д. и т. п. Все зависит от фантазии колдуна.

Был вид порчи, называемый *залом*. Это закрученный и связанный в узел пучок колосьев. Иногда его еще и осыпали пеплом, землей, взятой с кладбища. Если такой залом срезать – неизбежная вероятность получить продолжительную болезнь или умереть. Иногда от залома появляются раны, в которых заводится тонкий, узкий червяк, похожий на волос. Он постоянно разъедает рану, и она никогда не заживает.

Порча на заломе передается и всей полосе. Поэтому хлеб с таких полос крестьяне не ели. Знахари могут уничтожить

замеченный вовремя залом. Это называется «раскрут».

Еще несколько слов о вынимании земли из-под следа.

Ее сушат на огне, вешают в мешочке у печки, иногда относят на кладбище. И человек, чей след вынули, начинает сохнуть.

Когда у колдунов не было врагов, они пускали свою *порчу по воздуху*. По народным поверьям, такая порча долетала до перекрестка и останавливалась, так как не знала, куда ей лететь. Но она входила сразу же в того, кто первый появлялся на перекрестке. Отсюда и идет обычай читать на перекрестке молитву и плевать через плечо три раза.

Есть метод насылания порчи, называемый *энвольтированием*. Его совершают посредством восковых фигурок. Это очень сильный и страшный способ наведения порчи, ставящий целью смерть своего врага. Иногда колдуют над кровью жертвы, часто прокалывают фигурку иголками.

Для наведения порчи колдунами широко использовались наряду с другими магическими средствами разные виды растений. Их магические свойства до сих пор не может объяснить наука.

Репейник – широко распространенное растение, вроде бы сорняк. Но его использовали при ворожбе колдуны. Они пользовались этой травой, чтобы «посадить в дом кикимору», вызвать явление невидимого духа, который учиняет в доме всяческие безобразия: погромы, пожары, перемещение вещей, одним словом, то, что называют сейчас полтергей-

стом, а дух – «барабашкой». Из колючек репейника «лепили» куколку, подобную женщине, длинную, узкую, с удлинённой головой. Потом подбрасывали эту репейную фигурку в дом: в подвал, погреб, закапывали куколку во дворе.

Порчу мог вызвать и ОСОТ. Стебелек этого растения желающий навести порчу пригибал к земле, зажимал рогулькой и произносил заклинание: «Порчу наведёшь – хорошо заживёшь. Не изведёшь – с корнем падёшь».

Ядовитый *борец* вырос из пены, капавшей из пасти пса Цербера, сторожившего ад. Это произошло в момент, когда Геракл тащил его из преисподней. Его применяют для наведения порчи на молодых во время свадьбы. С этой целью растение вместе с корнем подбрасывают под порог дома, в котором будет проходить торжество. Чтобы избежать порчи, по поверью, новобрачные должны были перепрыгивать через порог, ни в коем случае не наступая на него, чтобы избежать неприятностей.

Но молодые могли и не знать того, что им в подушки и перины зашивали всякие наговоренные вещички. Это мог быть женский волос, спутанный в комок, косточка, взятая с кладбища, три лучинки, опаленные с концов, волчьи ягоды. У знахарей были свои способы снятия порчи с постельных принадлежностей. Они окуривали их огнем или пускали по воде. Пекли они также и лепешки с разными снадобьями и угощали или подбрасывали подозреваемым в наведении порчи.

Порчу могли навести также с помощью волос гулящей женщины. По поверью, гулящая женщина приносит беду своему роду и будущим поколениям. Она останавливает на себе род. Уходя от мужа к другим, она идет разрушать родовые гнезда, приносит слезы, опустение в семью, сиротство детям. Одна гулящая баба могла скосить несколько деревень, наделать много бед, поэтому такую женщину издревле презирали. Она не думала о роде, не создавала покой в доме.

Колдуны брали волосы гулящей женщины и подбрасывали в дом, в который хотели внести порчу. Волосы забирают, впитывают всю силу из жилища, его обитателей, питаются их живой силой. Иногда волосами опутывали яйцо. Яйцо – это животворящая сила, олицетворение всей вселенной, всего рода человеческого. Волосы вытягивают силу не только из яйца, но и всю животворную силу рода, потому что впитали сами много этой силы и стали могучими. И эта сила, впитанная волосами из яйца, обрушивалась на дом, в который они подбрасывались, приносила большие несчастья.

В напитки – квас, пиво водку, компот и т. д., – а также в еду часто подмешивали какие-то снадобья. Одно из таких снадобий готовится из белых червей, которые заводятся в бочке из-под вина. Их достают, идут с ними к кабаку, опускают на землю и заставляют ползти. Тот червяк, который поползет в направлении к кабаку, – самый вредоносный. Его берут, высушивают, протирают в порошок и подсыпают в кушанье или питье. В результате проделанного человек, упо-

требивший еду или напиток с таким снадобьем, ударится в запой.

Для *нанесения порчи* существовали специальные заговоры. К примеру, такой:

«Ходит грозный дух по земле, вырывает пенье и коренье, белое камень и суховерное дерево ломит по земле. Сим заклиная, чтоб моего недруга и супостата так же ломало порчею, во веки веков, аминь».

Такая порча, посредством заклятия, произнесенного на еду и питье, неизменно входит в человека со всеми ее последствиями.

Ниже мы приводим еще некоторые заговорные заклятия.

ЗАГОВОР ДЛЯ НАСЫЛАНИЯ АЛКОГОЛЬНОЙ ПОРЧИ

Взять червей, которые остаются в пустых винных бочках, высушить их и положить в вино, потом прочитать заговор:

«Морской глубины царь, пронеси ретивое сердце раба (имя) от песков сыпучих, от камней горючих; заведись в нем гнездо оперунное. Птица Намырь взалкалася, во утробе выигралася, в зелии, в вине воскупалася, а опившаяся душа встрепыхалася».

Наговоренным вином поят того, кого хотят испортить.

НАПУСТИТЬ ИКОТУ

Надо снять с шеи крест, положить его к себе под пятку и, проносив его полсуток, сказать:

«Отрекаюсь от Бога и животворящего креста, отдаю себя

в руки дьяволам».

Потом над солью пошептать следующее:

«Пристаньте сему человеку (имя) оскорби-икоты, трясите и мучьте его до окончания жизни».

Затем, вынув свой крест из обуви, надо повесить его на спину: в это время будут являться дьяволы. Через сутки крест надо перевернуть наперед, взять соль и бросить на дорогу, по которой ходит тот человек, на которого эта болезнь напускается, со словами:

«Как будет сохнуть соль сия, так сохни и тот человек».

Тогда дьяволы начнут его мучить икотой.

НАПУСТИТЬ ГРЫЖУ

Стану, не благословясь, пойду, не перекрестясь, из избы не дверьми, из двора не воротами, из сеней не сенями, из избы дымом и огнем, паром, из двора ветром, выйду в чистое поле, стану на запад лицом, на восток хребтом, взгляну на небо, посмотрю на землю. Раздвинься, земля, расступись на триста локтей и оттуда выйди злая лютая тяжелая болезнь, напущенная красная грыжа. И скричу я, раб (имя), злую лютую змею, тяжелую напущенную болезнь красную грыжу: «Куда ты еси полетела?» И говорит мне грыжа: «Полетела я за тридевять морь, за тридевять рек, за тридевять озер-рек, озер сушити, море пити». И поклонюся я, раб (имярек), и помолюся: «Ой еси, ты злая змея, напущенная тяжелая болезнь красная грыжа, не лети ты за тридевять морей, за тридевять рек, за тридевять озер-рек, озер сушити, море пити,

а лети ты к рабу (имярек). Войди в его чрево, и живи в нем, и мучь его всю жизнь, пока не изыдет человек».

ДЬЯВОЛЬСКОЕ ПРОКЛЯТИЕ

1-ая рече: имя мне Тресея.

2-я рече: имя мне Гнесея; ложится у человека в грудях, и не дает грудице не пить, не есть.

3-я рече: имя мне Ледея; та человека знобит, и не может в печи согреться.

4-я рече: имя мне Гнедея, а Гнедея та человеку не дает спать, приступают и умом метут.

5-я рече: имя мне Глухия; та у человека ложится во главе, и уши закладывает: и голову ломит, и от того человек глух бывает.

6-я рече: имя мне Пухия; та человека пущит и утробу желтит.

7-я рече: имя мне Грудища; та у человека ложится в грудях и находит трепотою.

8-я рече: имя мне Желтея; та человека желтит, как цвет будет.

9-я рече: имя мне Огнея; та человека разжигает, как смолеными дровами.

10-я рече: имя мне Ломея; та человека ломит, как бури сухое дерево.

11-я рече: имя мне Корноша; та человека ручны и ножны жилы в место влечет.

12-я рече: имя мне Невея, сестра старшая плесовица,

усекла главу Иоанна Предтечи; которого человека изоймет, тот человек не может жив быть.

ПОРЧА НА ЛЮБОВЬ ПРИ ПОСРЕДСТВЕ ДЬЯВОЛА

«Во имя сатаны и судьи его демона, почтенного демона Пилата Иегемона встану я, добрый молодец (имя), и пойду я, добрый молодец (имя), ни путем, ни дорогою, заячьим следом, собачьим набегом, и вступлю на злобное место, и посмотрю в чистое поле в западную сторону, под сыру матерую землю... Гой, еси ты, государь сатана! Пришли ко мне на помощь, рабу своему (имя), часть бесов и дьяволов с огнями горящими. Чтоб не могла она, раба Божия (имя), ни жить, ни быть, ни есть, ни пить, как белая рыба без воды, мертвое тело без души, младенец без матери... Мои слова полны и наговорны, как великое океан-море, крепки и лепки, крепче и лепче клею карлуку и тверже и плотнее булату и камню... Положу я ключ и замок самому сатане под его золот престол, а когда престол его разрушится, тогда и дело сие объявится».

ПОРЧА НА СОНЛИВОСТЬ

Колдуны могут навести порчу, которая на языке знахарок называется «беспробудница». Человеку все время хочется спать. Делается эта порча двумя способами. Первый из них заключается в том, что на фотографии человека, жертвы колдовства, выкалывают глаза. Потом капают туда воск с нескольких свечей.

Читают заговор, сначала обычно, потом задом наперед, а

потом кладут фотографию вниз лицом под кровать.

Второй способ такой. Берется проросшая картофелина, у нее выковыриваются глазки и скармливаются курам, естественно, произносится заклинание.

Закрываются глаза,
Сон ползет, как вверх лоза.
Сон дурной, косматый.
В помощь бес рогатый.
Спи да просыпайся, снова спи.
Сон тебе, – заклятия мои.
Аминь.

ЗМЕИНАЯ ПОРЧА

Злая ведьма может угостить человека едой, в которую подсыпает чешуйки змеи. Наговор на змеиную кожу делается ночью перед рассветом. А хранится она в месте, недоступном солнечному свету, в песке. По мере надобности ее достают. Остатки пищи, в которую она подмешана и которую ел человек, отдают черному коту.

Выйду в чисто поле я.
Свистну, выползет змея.
Буду я ее просить
Чешую мне подарить,
Чтобы снадобье заварить,
Чтобы съел враг змеину кожу
И на змея стал похожий.

Чтоб сонлив был он и вял,
Все б на солнышке лежал. Как змее сдыхать,
Так рабу в гробу (имя) лежать.
Бес. Тьма. Рога.
Порази врага.
Аминь!

Разумеется, все эти способы насылания порчи мы привели в своей книге не для того, чтобы кто-то ими воспользовался. Наслать смертельную порчу дано ведьмам, не нам, простым смертным. Им дана колдовская сила от дьявола. И эти слова приобретают силу только в устах наделенных колдовскими способностями людей. А мы просто разъясняем, к каким чудовищным способам могут прибегнуть дурные люди, которые ненавидят и завидуют. Но не было бы их, не было бы порчи да и другого зла.

Глава 3

Не все знают, что порчей называют

Метод лечения знахарей основан на народном опыте, народной теории о происхождении болезней.

А народ считает, что в основе всех этих заболеваний лежит порча. Порча в широком смысле слова – нанесение вреда человеку от зложелательства.

Порча бывает временная, поддающаяся излечению, и во все неисцелимая.

Болезни, происходящие от порчи, подразделяются на скорбь, черную болезнь, падучую болезнь, немочь, призор, прикос, сглаз, урок, исполох, зуд, икоту, щипоту, оговор и множество других.

Остановимся на некоторых из них.

Скорбь – это сердечная болезнь.

Черная болезнь – холера, венерические заболевания.

Урок – от дурных и хитрых людей. Об этом говорят в том случае, если у кого-то ни с того ни сего заболит голова или его начнет бить лихорадка, занает нога. Сюда же относят и тяжесть в желудке, и слова, сказанные в неурочный, худой час. Он есть у каждого человека. Говорят, что если проследить за своей жизнью, то окажется, что все неприятности и несчастья случаются в какой-то определенной час.

Призор, прикос происходит от недоброжелательного

взгляда чужого человека.

Озева также происходит от сглаза, дурного недоброго взгляда, от слов, сказанных кем-либо в сердцах по поводу кого-либо или с завистью, или зевая при разговоре с кем-то.

Оговор происходит также при произнесении слов, сказанных с завистью.

Есть еще *исполох* – мгновенный испуг. Этим словом определяются болезни идиотизма, умопомрачение, истерия, кликушество, эпилепсия. До сих пор еще существует вера в «насыльного беса», который может принять вид птицы или какого-либо животного, появиться неожиданно перед человеком и вызвать одно из перечисленных заболеваний. О бесах мы расскажем в отдельной главе.

Есть еще одна деревенская болезнь – *притка*. Она случается внезапно. Это удар, паралич, неожиданная хромота или вывих и т. д.

Распространенной является *порча молодых* на свадьбе. Портят напитки, свадебные блюда. Мы уже упоминали о том, что такая порча заключается в наведении порчи на детородные органы мужчины или женщины. Результат такой порчи – половое бессилие, бесплодие, физическое отвращение молодых супругов друг к другу.

В художественной литературе мы найдем много примеров, подтверждающих, что мужское бессилие от порчи не пустые слова. Откроем страницу романа «Миг вечности», автор которого писательница Бертрис Смолл.

«Сегодня вечером, сэр, мой муж предложит вам услуги наложницы зала. Не принимайте этого предложения, если вам дорога ваша жизнь.

– Почему? – грубым голосом спросил Бода, всматриваясь в них с любопытством своими налитыми кровью глазами.

– Она колдунья, – опередила Эдит Дагиан.

– Да, – быстро подтвердила Дагиан и понизила голос. – Она лишила нашего мужа мужской силы, когда он пытался овладеть ею. Теперь он не способен ничего сделать ни с одной из нас, хотя хвастается и делает вид, что все в порядке.

– Почему он от нее не избавится? – подозрительно поинтересовался Бода.

– Ее купил еще старый хозяин, чтобы она служила целительницей дома, – ответила Эдит. – У нас нет другой целительницы или кого-то другого, кто бы мог лечить людей. Поэтому наш господин и не отпускает ее, хотя мы молили его об этом.

– Если она целительница, то почему она еще и наложница зала? – сделал осторожную попытку Бода.

– Она была любимой женщиной старого хозяина и родила ему ребенка, сказала Эдит. – После его смерти наш муж пытался овладеть ею, поскольку он большой любитель женского тела. Когда он не стал слушать ее увещаний, она наложила на него проклятие. В отместку наш муж сделал ее наложницей зала. Но мы предупреждаем всех, кому он предлагает ее, потому что, как добрые христианки, мы не можем

допустить, чтобы она прокляла еще какого-нибудь мужчину. Она поклялась, что проклянет любого, кто осмелится овладеть ею. И поверьте мне, сэр, она сдержит свое обещание!

Торговец понимающе кивнул.

– Благодарю вас, госпожа, что предупредили меня. Я не хочу быть искалеченным. У меня молодая вторая жена...»

Но в силах знахарей было и излечить мужскую импотенцию, наступившую вследствие той же порчи. Известны им были рецепты некоторых снадобий. Вот как пытался излечиться от этого недуга герой все того же романа Бертрис Смолл.

«Это был простой семейный ужин. Жаркое из кролика, хлеб, сыр, сладкий пирог с яблоками. Свежесваренный эль, достоинства которого Кэдерик оценил сполна. „Как хорошо видеть его таким счастливым“, – подумала Эдит. Она не могла припомнить, когда видела его таким радостным, как в этот вечер. Когда со стола убрали посуду, Кэдерик широко улыбнулся. Было видно, что он вполне доволен собой.

– Перед ужином Эдит спросила, купил ли я что-нибудь себе у Боды, – начал Кэдерик. – Да, я купил! – Опустив руку под стул, он вынул серебряный кубок, который ему так хотелось иметь, и поставил его на стол. – У моего отца в этом зале никогда не было такой ценной вещи, – хвалился он. – Бода говорит, что кубок из мастерской Симона из Константинополя, одного из лучших серебряных дел мастера во всей Византии. Взгляни на гравировку, Эдит! Это большой бык сра-

жается со львом. Бода говорит, что это лев. Как бы мне хотелось поохотиться на льва! — Лицо Кэдерика выражало удовольствие, и его переполняло мальчишеское возбуждение. — Да, у меня есть кое-что, моя жена. — Он вытащил из кармана маленький пузырек с каким-то красноватым порошком, шепча ей при этом: — Бода говорит, что это *вернет мне мою мужскую силу*, Эдит. Это волшебный порошок. Его нужно добавлять в вино и пить семь дней, а после этого я дам моим женщинам сыновей! Разве это не замечательно?...»

Существует и такой вид порчи, как *прикосновение*. Порча может быть передана при ударе рукой или даже от простого прикосновения недоброго человека.

Но самый распространенный вид порчи приписывается *взгляду*. Говорили, что есть такие колдуны, которые одним взглядом могут свести человека с ума, иногда просто иссушить. У таких колдунов есть свое название — «виритник». Его боятся гораздо больше, чем простого колдуна или ведьму. Сила его взгляда такова, что жертва его мгновенно начинает ощущать ломоту во всем теле, головокружение, боли в сердце и паралич рук: они как бы каменеют, и человек просто не в силах поднять их. Имеются утверждения, что он может напускать порчу даже на целую деревню вплоть до полного ее истребления.

Дурное око – от сглазу недалеко

Порча посредством взгляда, т. е. глаза, нехорошего глаза, дурного, называется *сглаз*. Сглаз можно назвать разновидностью порчи. Разница между ними в том, что порча происходит осознанно, имеет целью нанесение вреда, а сглаз может происходить как бы автоматически, даже не по злой воле человека, а просто иногда от врожденной способности причинять вред тому, чего коснется обладатель таких нехороших глаз.

Вера в дурной глаз родилась еще в те первобытные времена, когда верили, что мир наполнен духами, которым, как известно, приписывалось все: удачи на охоте, все явления, происходящие в природе, – смена дня и ночи и времен года, гром, молния, разливы рек, болезни, смерть. Все это видели, все отражали глаза человека, и поэтому ему стали приписывать таинственную силу.

Особое значение придавалось взгляду Богов. Бог солнца Гора изображался древними в виде парящей птицы, глазами у которой были луна и солнце. Существовало много легенд о глазах. Одна из них про бога Озириса, который был сыном бога земли Геба и его супруги Нут. Получив в наследство царство отца, Озирис управлял им по справедливости. Но из зависти он был убит своим братом, злым богом пустыни Сетом. Жена Озириса Изида нашла его тело, вытащив его из

Нила. Но Сет выкрал его, разрезал на 40 частей и разбросал по всей стране. Изида предприняла долгие поиски, но собрала все эти кусочки и оживила тело мужа при помощи магических заклинаний. Гор, который являлся сыном Озириса и Изиды, вступил в единоборство с дядей и одолел его, потеряв в бою с Сетом один глаз. При этом потерял он и свое могущество. Вернуть же его он мог, только отняв глаз у Сета. Мифы о потере и возвращении глаза связывались с заходом и восходом луны и солнца. В мифах утверждалось, что глаза богов несут людям мир, добро и счастье.

Глаза считались также, по поверьям древних, местом пребывания души. Через глаза душа попадала в тело и выходила из него. Таким же путем проникали в человека злые и добрые духи. Злые духи, верили древние, вместе со взглядом человека, в котором они находились, переходят на все, на что бы ни посмотрел человек. Наличием злых духов, демонов, в теле человека объяснялась и злоба, ненависть, страх, а наличием добрых – любовь, доброжелательность, нежность.

Получается, что истоки веры в дурной глаз кроются в вере древних в демонов.

В сглаз верят во многих странах мира. У разных народов свое представление о сглазе. Широко распространена эта вера в Европе, в Америке и Канаде, в африканских странах, в Индии, Турции, Иране. В Монголии, Китае, Японии суеверия, связанные со сглазом, распространены менее, чем в странах, названных ранее. А вот в Тайланде, Бирме, Корее,

на Тибете такое понятие отсутствует вообще.

В Европе опасения вызывали глаза человека еврейской национальности, с ее особой культурой и самобытностью. Например, в Англии запрещалось евреям присутствовать при коронации Ричарда Львиное Сердце, а в Испании запрещалось евреям находиться на поле в период созревания хлебов, чтобы не было сглаза с их стороны.

У нас на Руси считались дурными глаза впалые, косые, выпученные, то есть не совсем нормальные. Вообще, всякие незнакомые глаза способны принести дурное.

Русские всегда боялись цыганского глаза. Дурное воздействие, по поверьям русских, оказывали также глаза мордвы, татар, карелов, финнов.

А если у такого человека ко всему были еще и уши странной формы – не дай Бог они были очень большими или волосатыми, – то сглаза точно было не избежать. Человек с необычными ушами, по поверьям, считался способным к сглазу, потому что мог сказать что-то такое, что могло вызвать порчу.

В отрицательное воздействие дурного взгляда одного человека на другого верили древние врачи Авиценна, Парацельс. Об этом вполне серьезно писали крупные философы средневековья. Авиценна в своей книге о природе писал: «Часто душа влияет на чужое тело так же, как и на свое собственное, как, например, при воздействии дурным глазом».

В V веке до нашей эры обвиненного в сглазе могли при-

говорить к смертной казни. О сглазе можно было прочитать в скандинавских сагах, легендах, мифах жителей Тибета, арабских сказках и преданиях коренных жителей Австралии. Заговоры от сглаза сохранились и дошли до наших дней. Мы их можем отыскать в халдейских, египетских, индийских и персидских текстах. Даже в Евангелии от Марка говорится: «ибо извнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство. Все это зло извнутри исходит и оскверняет человека». А глаза, как известно, – зеркало души. Темные помыслы – темное зеркало – темное воздействие.

Фома Аквинский, знаменитый богослов, философ (1225–1274), утверждал, что в результате сильного душевного напряжения глаза излучают особую энергию, которая заражает воздух на значительном пространстве. Он убеждал, что взгляд злых людей ядовит и несет порчу, которой особенно подвержены дети с их слабой психикой. Очень вредным считался взгляд женщины, особенно в дни ее регул. Парацельс высказывал мысль, что в этот период взгляд женщины мешает заживлению ран, а древние греки заявляли, что от него вянут тыквы и огурцы. Опасность дурного воздействия видели и во взгляде на беременных женщин.

В XV веке был издан закон, в котором утверждалось, что «своим колдовством, чарованиями, заклинаниями и други-

ми ужасными суеверными порочными и преступными деяниями» колдуны причиняют «женщинам преждевременные роды, насылают порчу на приплод животных, хлебные злаки, виноград на лозах и плоды на деревьях, равно портят мужчин, женщин, домашних и других животных...», что «они нещадно мучат как внутренними, так и наружными ужасными болями мужчин, женщин, домашних животных, что они препятствуют мужчинам производить, а женщинам зачинать детей и лишают мужей и жен способности исполнять свой супружеский долг» и т. д.

Есть своя теория у профессоров богословия Г. Инситори-са и и Я. Шпренгера, которые писали, что «глаза легко воспринимают дурные впечатления. Поэтому часто случается, что внутреннее дурное возбуждение дает им дурной отпечаток... Если глаза полны вредительских свойств, то может случиться, что они придают окружающему их воздуху дурные качества... Мы видим, что страдающий болезнью глаз человек может временами своим взглядом навести порчу на того, кто на него посмотрит». Глаза, полные злых свойств, утверждали они, заражают здоровые глаза того, кто на них смотрит. «Заражение передается по прямой линии... При этом воображение того, кто полагает, что может заразиться, имеет тут большое значение».

Кто же обладатель «нечистых» глаз? Предполагается, что человека с дурным взглядом выдают какие-то физические недостатки или что-то странное в облике самого человека,

а особенно в глазах. Мы уже упоминали, что еще древние сторонились людей косоглазых, обладателей маленьких, глубоко сидящих глазок и глаз навывкате. Подозрение вызывали люди с подергивающимися глазами. Особенно настороженно относились к тем, у кого глаза были разноцветные. Дурными глазами считали глаза людей с желтоватой кожей, большим острым носом и беззубых.

Дурным считался взгляд женщины, которая не могла плакать, такой, про которую говорят, что у нее слезинки не вышибешь.

На Востоке, это видно из легенд и сказок, способность к сглазу приписывалась одноглазым.

Народ приписывал дурное воздействие глазам уродливых старух, нищих и кузнецов. У А. Н. Афанасьева читаем: «Косые глаза придают лицу неприятное выражение; старинному человеку они напоминали солнечный закат, умаление дневного света, близящееся торжество нечистой силы. Поэтому слову „прикос“ дается значение „сглаз“ (оприкосить – сглазить, оприкосливый – боящийся дурного взгляда, порчи; коситься на кого-то – смотреть неприязненно); в заговорах просят защиты от „уроков“ и „прикосов“. Способностью зренья, по понятиям язычников, наделяли человека боги света и добра; с недостатком и еще более с отсутствием этого дара соединялась мысль о нравственном несовершенстве, лукавстве и злобе. Оттого слово „косой“ употреблялось в смысле „дьявол“: „Косой те возьми!“»

Во многих странах дурной глаз ассоциируется с завистливым взглядом. На этот счет существует даже легенда.

Александр Македонский возвращался домой после длительных своих походов. По дороге он встретил ручей, берущий начало у ворот рая. Александр двинулся вдоль ручья, добрался до ворот, но открыть их не смог. Но когда он повернулся, чтобы уйти, из ворот вдруг выкатился... человеческий глаз. Он попросил мудрецов расшифровать этот знак. Мудрецы взяли золота, серебра, разных драгоценностей и положили все это на чашу весов, на другую же – человеческий глаз. И глаз перевесил! Мудрецы дали такое объяснение: «Если на чашу весов положить все богатство мира, то и тогда человеческий глаз перевесит. Потому что человек никогда не бывает удовлетворен тем, что имеет». Македонский не поверил их словам. Тогда мудрецы сняли с весов золото и драгоценности и бросили на чашу весов щепотку пыли. И невесомая щепотка пыли перевесила. И тогда понял Александр, что пока человек смотрит на мир, его терзают желания. И лишь смерть, превращая человека в прах, лишает его завистливой силы.

Зависть вызывают красота, здоровье, сила, богатство, власть, модная одежда, хороший муж, здоровые дети, счастливая семья, удачная карьера, все, что связано с успехом и приносит счастье и радость. В этой связи считается опасным хвалить кого-либо, потому что хвала также притягивает дурной глаз, колдовскую силу.

Есть мнение, что обычай дикарей носить набедренную повязку связан не с чувством стыда, а именно с боязнью отрицательного воздействия чужого глаза, особенно колдовского. На Востоке существует даже такой афоризм: «Больной выздоровеет, но тот, кого сглазили, — никогда».

Существовал также список болезней, вызванных сглазом: худоба, паралич, опухоли, судороги, тоска, слепота, одержимость, жадность к еде, импотенция. У таких больных, рассказывают, в испражнениях и рвотных массах находили гвозди, иголки, нитки, кости, волосы, камешки и даже пауков.

Особенно от сглаза берегли детей. Существует поверье (и по сей день) не показывать ребенка никому, пока его не окрестят. В Германии в детскую комнату не впускали даже кошек, потому что в кошек часто обращаются колдуны-оборотни. Даже сами родители могут сглазить собственное чадо. В некоторых странах по этой причине не допускали какое-то время к родившемуся ребенку отца.

К числу детских болезней, вызываемых сглазом, относились бессонница, головные боли, эпилептические припадки, тошнота, чахотка, крик. Симптомами порчи от сглаза служили такие признаки, как внезапное похудение, бледность, плохой пульс, жар, отсутствие аппетита, судороги, потливость. Взрослые, подвергнувшиеся сглазу, нередко испытывали беспокойство, предавались тоске, плакали, испытывали чувство панического страха, страдали головными боля-

ми, отсутствием аппетита, исхуданием. Часто такой человек боялся священников, чурался святой воды, испытывал страх перед именем Иисуса Христа, боялся молитвы, не поддавался излечению лекарствами.

«Испорченные» животные худели, были печальны и равнодушны к еде, потели и дрожали. В Германии считалась «сглаженной» корова, у которой вдруг сворачивалось молоко, даже тогда, когда оно не было прокисшим, или вдруг оно приобретало красноватый оттенок.

«Испорченной» считалась свинья, которая непрерывно визжала, поедала любой корм, которого не ела раньше, но все время оставалась голодной. Куры, подвергнувшиеся порче, прыгали на стенку или падали на землю.

В книге заслуженного деятеля науки РСФСР и БАСС, доктора ветеринарных наук, профессора И. Ф. Заянчковского «Животные, приметы и предрассудки», вышедшей в 1991 году, приводятся примеры веры в порчу животных уже в наши дни. Вот такой, например, случай, происшедший в Саратовской области, описывает он. Там поссорились две подруги – Шура Д. и Женя К. Шура похвалилась, что будто бы может и вылечить корову, и порчу на нее наслать, потому что обладает магической силой. В скором времени у Жени вдруг заболела корова, перестала доиться. По селу пошла слава, что это Шура навела порчу, что она колдунья. Это привело к большой ссоре между подругами. Даже то, что ветеринарный врач нашел у нее заболевание – травматический пери-

кардит, – не помогло Шурке избавиться от злого ярлыка колдуньи.

Одной из старушек из села Пенцева Белгородской области приписывают, пишет Заянчковский, способность наводить порчу на коров и снимать ее. Рассказывают, что сидит она на лавочке возле своего дома и смотрит на проходящих с пастбища коров. И как надумает которую сглазить, так и делает. Корова перестает доиться. Хозяева бегут к бабке, чтобы она сняла порчу. Та поколдует и выгоняет сглазливый дух вон из коровы.

Рассказывает Заянчковский и случаи из своей жизни. Например, в конце 50-х годов в городе Троицке Челябинской области он в присутствии студентов вел прием животных в акушерской клинике ветеринарного института. У одной коровы на спине он увидел белые крупинки. Молодая хозяйка призналась, что это ее бабушка посыпала корову солью, чтобы не сглазили. А бригадир животноводческой фермы одного из совхозов подвешивал в телятнике перед входной дверью кирпич на веревке. Делал он это в уверенности, что у вошедшего после удара головой об этот кирпич «посыплются искры из глаз», т. е. он потеряет силу и не сможет сглазить молодняк.

В некоторых хозяйствах Башкирии, по свидетельству И. Ф. Заянчковского, животноводы стараются новорожденных телят никому не показывать, боясь сглаза.

Во многих местах существовал и существует до сих пор

обряд окуривания вымени коровы в первый день после отела ладаном. Берут глиняный горшок или другую посудину, кладут туда раскаленные угли, на них – ладан. Выделяющийся дым подводят под вымя на несколько минут и окуривают им каждую его четверть. Считают, что ладан – дар Божий и ограждает от злого духа и порчи. Пока вымя не окурено, молоко в нем грешно.

В качестве подтверждения наших слов приводим отрывок из уже упоминавшегося нами романа Ивана Акулова «Касьян Остудный».

«Сегодня перед обедом Дуняша ходила на Туру полоскать белье, и когда вернулась, то во дворе стоял запах горячих углей и дыма богородской травы. Арканя празднично сидел на телеге и курил. Мать Катерина с ведром в руках сновала из хлева в избу и обратно, скрывая за суетой и озабоченностью что-то важное. По их лицам Дуняша определила:

– Красуля?

– Иди-ка глянь, – Арканя повел бровью на хлев и не утерпел – заухмылялся. „Телочка, должно“, – повеселела Дуняша, отворяя запорошенную сенной трухой дверь в полутемный и сырой хлев.

– Куда ты, Христос с тобой, Богородица, – остановила ее на пороге мать Катерина. – Потом, потом. Хоть и не чужой, а все лишний зрак. Слава тебе, Господи, – приговаривала она и сбивалась на легкую слезу, торопливо выпроваживая дочь и следом выходя во двор.

— Да ты что, маманя? Что это ты такая?

Мать Катерина подняла к небу круглые в провалах глаза, истинно напуганные радостью, перекрестилась:

— ...от беды избави нас, яко чиноначальник высшних сил. Двойню Господь послал, и обе телочки, — шепотом задохнулась мать Катерина. Только уж ты, Дуня, помалкивай, будто ничего у нас, а так все... Будто так все. Окурила их — худа бы не было. Услышана молитва наша. А мы ее, кормилицу, поносили-то: не к поре обгулялась да и не в срок взялась. А она вот... царица небесная, владычица, помози, на ны мило-сердовавшие...

...Хоть и уговаривала мать Катерина свою дочь молчать, но сама тут же о прибыли в своем хозяйстве развонила по всему околотку, и нашлись такие, что загорелись охотой поглядеть на оглоблинских телочек, но мать Катерина спохватилась и заперла ворота на засов, а сама выглядывала на улицу из-под занавески, приговаривая со злым смешком:

— Ишь, разохотились на чужое-то. Да мы не шибко-то вам рады. Приходи щи хлебать мимо наших ворот.

...Арканя весело собрался, ушел. А Катерина топила печь, поила Красулю теплым хлебным пойлом, опять окуривала богородской травой и двор, и стайку, и корову с приплодом. В стайке да и в избе все еще благостно пахло куреным дымом, и Дуняше были приятны эти запахи. Ей казалось, что в дом пришел большой праздник, и оттого всем стало хорошо и легко. С этими чувствами и неясными еще ожида-

ниями вышла она в огород, мокрый и вдруг похолодевший от обильной росы...»

Существовало множество *способов выявления порчи*. Персы, например, пропитывали мочой платок, клали его на голову человека, заболевшего, как предполагалось, вследствие порчи, а потом сушили его. Если при этом платок приобретал какой-то оттенок, это было верным признаком порчи. В Турции мочу больного ставили на маленький огонь, и если при этом она закипала, то влияние сглаза считалось безусловным.

Колдуна, наславшего порчу на животное, можно было обнаружить следующим образом. В определенный день на расвете, подоив корову, бросали в молоко иглу и кипятили его – ведьма тут же являлась сама.

Ирландцы сжигали кусок одежды подозреваемого в наведении порчи на ребенка. Если в это время человек чихал, вина подозреваемого считалась доказанной.

А вот в Индии существовал даже метод вычисления того дня, в который была нанесена порча. Для этого складывались порядковые номера в алфавите букв имен матери и ребенка. Если полученная сумма делилась на 7, то это означало, что болезнь началась в пятницу. Если при делении на семерку в остатке оставалась цифра 1, то порча была наведена в субботу, двойка в остатке означала воскресенье, 3 – понедельник, 4 – вторник, 5 – среду. Если в остатке значилась 6, грешили на понедельник. Дни наведения порчи могли даже

рассказать, как она была наведена. Так, если это произошло в субботу, то это значило, что она вызвана сглазом. Воскресную же болезнь вызывала женщина с бледным лицом, когда она предлагала человеку съесть что-либо вкусненькое, и т. д.

Сглаз и зеркало

Афганцы говорят, что «сглаз разрушает дома». Есть у них такая пословица. Но есть много легенд и поверий, приписывающих дурное влияние взгляда не только на живые, но и на неодушевленные предметы. В XI веке до нашей эры врач испанского короля Филиппа II убеждал в том, что под влиянием дурного взгляда лопались цепочки из стекляруса, носимые детьми на шее, а турки считали, что взгляд плохого человека может разрушить хрусталь. Дурной взгляд может нанести вред и драгоценным камням, было и такое поверье в Индии и Персии.

Очень много поверий существовало о воздействии недоброго взгляда на зеркало. Но самое интересное, что было обнаружено и обратное. Оказывается, зеркало отражает и возвращает дурные взгляды. Дело в том, что зеркальные отражения не оптические отражения, а, по мнению простонародья, реальные тела загробного мира, двойники, среди которых могут обитать духи, обладающие дурным взглядом. Видимо, поэтому запрещается при ворожбе оборачиваться спиной к зеркалу.

В Германии народные поверья гласят, что стоящий перед зеркалом ночью, при свете свечи, видит рядом со своим отражением ведьму, черта и даже смерть и может не только заболеть, но и умереть. Смерть ожидает и того, кто смотрится в разбитое зеркало.

Поверья запрещают смотреться в зеркало беременным женщинам. Нельзя подносить к зеркалу грудного ребенка, потому что это грозит ему в будущем несчастьями. Не спасает даже то, что его могут поднести к зеркалу по незнанию. Он может вырасти заикой или эпилептиком, а может остаться немым. Было в некоторых странах даже такое поверье, что у таких детей могут родиться в будущем близнецы. А некоторые поверья не рекомендуют мыть ребенка перед зеркалом, потому что у него может быть задержка в развитии речи.

Не следует глядеться в зеркало ночью, так как от этого может повредиться разум.

Проклятия

С древних времен существуют легенды о возможности человека накладывать *заклятия и проклятия*, вследствие чего с его обидчиком может случиться беда или даже смерть.

А. Н. Минх в своих записках о народных обычаях, суевериях, предрассудках и обрядах, собранных им в прошлом веке в Саратовской губернии, излагает нам точку зрения крестьян села Колено Аткарского уезда на проклятия. Здесь

проклятыми считали тех, которых мать прокляла за непочтение к ней. Живут они в воде или лесу, ночью выходят на дорогу. Леший, считалось в народе, тот же проклятый человек. Проклятых, опившихся, утопленников и колдунов земля не принимает, они выходят из могилы и бродят по свету.

Существуют также рассказы об определенных местах, которые считают проклятыми. В них обитает нечистая сила, злые духи, которые могут наказать или убить того, кто вступает с ними в общение, не зная магических заклинаний. У современной науки есть объяснение этой вере людей в проклятые места. Ученые дают такое вот толкование: Отрицательная информация может веками храниться на каком-либо предмете или могиле, а затем в виде «поля» переходить на прикоснувшегося к «заклятому» предмету или месту человека и ставить его в такие условия, чтобы он погиб. А может быть, это мстят те силы, которые прокляли и наказали его предка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.